

Прощание с блокбастером

«Обитаемый остров. Схватка» рассказывает Рита Русакова

ИДЕЯ ЭКРАНИЗИРОВАТЬ «Обитаемый остров» была рискованной, разговоры о том, насколько она правильна и, в частности, насколько правильно за это браться режиссеру Федору Бондарчуку и продюсеру Александру Роднянскому, начались чуть ли не в момент объявления о старте проекта. По итогам проката первой части фильма положительных отзывов в целом оказалось больше, чем отрицательных. Да и те, которые отрицательные — с вполне обоснованным, насчет слишком очевидных заимствований из западного кинематографа, излишней аляповатости, некой общей наивности — показали, что здесь есть на что посмотреть и есть о чем поговорить. А еще близкое соседство в прокатных планах двух громких премьер дает возможность сказать, что сценарий супругов Дяченко и фильм режиссера Бондарчука — куда более аккуратный и осмысленный опыт обращения с извест-

ной книгой, чем в случае Владимира Бортко. Можно предположить, что никто специальным образом не заставлял Бориса Стругацкого сказать: «Если бы я сам снимал картину, то добавить к ней по сравнению с фильмом Федора Бондарчука практически нечего». Ну и имеет смысл добавить, что сборы в 700 миллионов рублей по СНГ — совсем не проходной показатель для российской продукции.

Теперь на повестке дня вторая серия. В ней, как знает каждый, кто знаком с первоисточником, происходит все самое главное — Мак Сим путешествует по планете Саракш, составляя таким образом полную картину этого странного для него, но не для нас мира; переходит к активным действиям против Неизвестных отцов, а добившись в этом существенных успехов, с удивлением обнаруживает, что все совсем не так просто, как ему казалось все предшествующее время: достаточно

прямолинейная антиутопия оказывается вывернутой наизнанку, и читателю приходится крепко задуматься. Теперь придется крепко задуматься и зрителю.

Вторая серия «Обитаемого острова» куда более зрелищна, чем первая — при этом даже одна из ранних ее версий, смонтированная почти с полным отсутствием компьютерной графики, произвела на посмотревших ее большое впечатление. Несмотря на финансовые проблемы, которые обрушились на «Обитаемый остров» так же, как и не остальное человечество, все удалось дорисовать и домонтировать. Будет очень странно, если «Обитаемый остров» не поднимет такую же волну разговоров, как первая часть фильма — даже несмотря на то, что сюжет известен (тем более что роман Стругацких был

мощно переиздан в связи с резко усилившимися запросами публики), очень интересно, как в итоге им распорядились создатели фильма. И в любом случае, в обозримом будущем такого кино в России снято не будет — если верить словам министра культуры Александра Авдеева, не так давно предсказуемо заявившего, что в этом году в нашей стране в производство не будет запущено ни одного художественного фильма.

В прокате с 23 апреля

Нет, нет и нет

«Катынь» Анджея Вайды на фестивале польского кино смотрел Вадим Рутковский

МЕСТЬ — это блюдо, которое следует подавать холодным. Похоже, великий польский режиссер Анджей Вайда следовал именно этой, воскрешенной Квентином Тарантино, поговорке. «Местью» назывался предыдущий, снятый уже в далеком 2002 году фильм Вайды, но тогда за грозным названием скрывалась всего-навсего костюмированная экранизация комедии Александра Фредро, потешное кино, герои которого изъяснялись стихами. Казалося, что после сделанного на грани самопародии произведения от мастера поэтического кино ничего серьезного можно уже не ждать. И это нормально: отчего бы

на старости лет не расслабиться, не обрести заслуженный покой, попросившись со зрителем такой очаровательной бездельницей. Но в 2007-м, в год своего восьмидесятиднюлетия, Вайда выпустил «Катынь», выходящую за рамки просто хорошо сделанного исторического фильма. Это акт возмездия, гражданский и личностный поступок: отец режиссера, Якуб Вайда — офицер конной артиллерии, попавший в советский плен в 1939-м и расстрелянный НКВД в Катыни весной 1940 года вместе с другими офицерами, интернированными после раздела Польши по пакту Молотова-Риббентропа.

Невозможно поверить, что фильм сделан глубоким стариком — даже чисто технически. Вайда выстраивает прихотливую драматургическую конструкцию, нарушая привычный для жанра принцип хронологического изложения событий. Сцена казни вынесена в финал, до этого же Катынский расстрел Вайда показывает отраженно — в частных, локальных историях родственников казненных офицеров. Отраженно, но не отстраненно — «Катынь» снята с непримиримостью юноши, взшедшего на баррикады — будто в режиссерском кресле сидел не нынешний почтенный мэтр, а шестнадцатилетний Анджей, боец Армии Крайовой. Фильм полон ярости, но обвинить постановщика в русофобии сможет только последний идиот; в конце концов, одну из безупречно положительных ролей — совестливого старого вояку, офицера Попова — сыграл Сергей Гармаш, с которым Вайда работал в московском театре «Современник». Но в широком смысле слова это, безусловно, глубоко антисоветский фильм. Пнев режиссера как частного лица направлен

не в сторону той или иной нации. «Советскость» — свойство и упырей в красноармейских шинелях, и лошених немецких иезуитов, и польских функционеров, пришедших к власти после войны.

Бессмысленное вроде бы упорство, с которым одна из героинь фильма пытается — вопреки давлению партийных соотечественников, служащих официальной пропаганде, — указать на мемориальной доске дату реальной гибели брата, напоминает миф об Антигоне. Но не столько в его классической, античной версии, сколько в интерпретации Жана Ануя. Антигона Софокла, рискнувшая захоронить тело брата вопреки воле царя, жертвовала собой за непоколебимость родовых законов. В пьесе Ануя, написанной в черные для французов годы оккупации, ни о каких законах и речи не было, мир развалился, негодьями оказывались оба брата — и погребенный с почестями герой, и брошенный на растерзание птицам предатель. Все это не остановило Антигону, просто потому что она должна была говорить «нет» тирану. Кто-то всегда должен говорить «нет», как бы ни был велик соблазн сказать «да», подчинившись угрозам или купившись на посулы. Вайда тоже говорит, говорит без надежды, как подлинный трагический герой.

Киноцентр «Родина», 17 апреля, 18.30